

УДК 81'42

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ КОНЦЕПТА «ЕДА» В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ЯЗЫКА

А. Э. ЖИЗНЕВСКАЯ

(Представлено: Е. М. ЧЕБОТАРЁВА)

Рассматриваются структура и содержание концепта «Еда» в современной лингвистике. Определяются языковые средства, формирующие номинативное поле концепта «Еда» и выступающие средствами его вербализации.

Прием пищи, во всем своем многообразии, является ключевым фактором жизнедеятельности человека. Исходя из этого, становится очевидно, что процесс питания выражается при помощи совокупности различных культурных концептов, к числу которых относится «Еда».

Проблема определения структуры и содержания концепта «Еда» в современной теории языка вызывает повышенный интерес лингвистов. Данное понятие в лингвистическом плане является одним из наименее изученных, в то время как его социокультурная значимость и ценность остаются высокими.

Еда – процесс не только биологический, но и имеющий глубокие культурные корни. Согласно теории Ю. С. Степанова, в составе концепта «Еда» можно выявить ряд признаков, позволяющих интерпретировать его как концепт культуры [1, с. 95].

Концепт, прежде всего, должен иметь значение, или денотат, и смысл. Согласно толковым словарям, лексема «Еда» имеет следующие значения: 1) еда как процесс, включающий принятие, поглощение пищи и 2) еда как собирательное понятие, которое соотносится с разнородной совокупностью предметов различного типа, обозначающих то, что едят и пьют, что служит питанием [2, с. 128]. Следовательно, смыслы данного понятия можно разделить на: 1) биологические – насыщение организма человека питательными веществами, необходимыми для поддержания жизни; 2) культурные – приобщение посредством питания к определенной традиции, принятой в той или иной национальной общности; 3) философские – пища как феномен Бытия; 4) психологические – получение чувства уверенности и защищенности; 5) религиозные – связь с той или иной религией.

Поскольку еда является первоосновой физического существования человека, то практически в любой культуре она обретает мистическое, обрядово-ритуальное и символическое значение, закреплённое на лексико-фразеологическом уровне языка.

Отметим тесную связь концепта «Еда» с концептами «Душа», «Тело», «Жизнь», «Смерть». Эта связь обусловлена особенностями мифологического мышления, где еда представлялась сложным знаковым комплексом, вовлеченным в ритуальную жизнь общества. Трапеза, помимо своего основного значения – утоления голода и жажды, была тесно связана с «разного рода жизненно важными отрезками человеческого существования» [3, с. 52]. С точки зрения религиозного сознания, любая трапеза – это вкушение определённой пищи с определёнными людьми в определённое время и по определённым правилам, сочетающим запреты и обязательные предписания. Это обусловлено тем, что, если человек будет есть пищу высших или низших существ, он выпадет из отведённого ему ряда, либо претендуя на то, чего недостоин, либо опускаясь в среду «нелюдей». Черты архаичного осмысления пищи отражены в языческих и религиозных праздниках, обрамленных ритуалами, сопровождающими прием пищи. Эти праздники сопряжены с «идеями о вкушении хлеба как спасении и еде как воскресении» [3, с. 54]. Следует отметить, что в архаичном сознании еда была тесно связана с идеей преодоления смерти и воскрешения, так как «проглатывая, человек оживляет объект еды, оживая и сам» [3, с. 64]. Примечательно, что для первобытного мышления понятия «жертвовать» и «съесть» – идентичны, из-за чего акты еды и смерти находились в состоянии «совпадения». Жертвоприношение в архаичных представлениях осмыслялось как «съесть», т.е. спасти, сделать смерть жизнью. Во всех религиях в жертву приносились еда и питьё, поскольку люди верили, что охотничья удача, богатый урожай и хороший приплод скота посылаются свыше. «Пищевой» характер жертвоприношения отчётливо различим, например, в русском языке: «жертва» – «жрец» – «пожирать». Интересны архаичные представления о связи пищи и души, согласно которым, душа осмыляется как «1) уменьшенное подобие человека, его двойник, которому для поддержания жизни необходимо питание и 2) аналог желудка, поглощающего пищу и питье» [4, с. 277]. Таким образом, взаимосвязь пищи с такими концептами, как «Душа», «Тело», «Жизнь», «Смерть» демонстрирует сложную смысловую структуру концепта «Еда».

Концепт, согласно представлениям Ю. С. Степанова, имеет слоистую структуру, включающую следующие признаки: 1) основной (актуальный, известный каждому носителю культуры); 2) дополнительный (пассивный, исторический, являющийся актуальным для отдельных носителей культуры) и 3) внутреннюю форму, которая обычно не осознается в повседневной жизни и известна лишь

специальным исследователям [1, с. 47]. Остановимся на данных признаках подробнее. Так, процесс питания есть основной актуальный признак культурного концепта «Еда», так как пища является первоосновой жизни человека, без которой невозможно физическое существование живого организма. Данный признак универсален для всех человеческих общностей. Кроме того, в основном признаке концепта актуализируются различные наименования продуктов питания, напитков, блюд, релевантные для носителей культуры. В этом случае данный концепт выступает как национальный и представляет собой часть национальной картины мира. Пассивный признак концепта есть то, что может осознаваться не всеми членами группы, но существовать опосредованно в их сознании. В эту категорию можно определить дополнительные, а именно культурные признаки процесса приема пищи или питания, обычаи и традиции, связанные с ними, а также национальные традиции питания, которые обрастали дополнительными значениями в процессе исторического развития государства, а также религиозные традиции питания. Данный слой наиболее репрезентативен в плане выявления национальной составляющей концепта «Еда». И, наконец, внутренняя форма концепта «Еда» непосредственно связана с этимологией слова: английское *food* «еда» восходит к древнеанглийскому *foda* «еда, пища, питание», а также к протогерманскому *fodon*, от германского корня *fod-*, эквивалентного индоевропейскому *pa-* «держат, защищать, охранять, кормить». Глагол *eat* «есть» восходит к протогерманскому *etanan* и к индоевропейскому корню *ed-* «питаться» [4, с. 275].

Таким образом, лексема «еда» имеет индоевропейские корни. Основной смысл уровня внутренней формы – есть значит питаться. Кроме того, отметим схожесть глагола «есть» в смысле принимать пищу с формой «есть», то есть в буквальном смысле «быть», «находиться». Уровень внутренней формы концепта «Еда», таким образом, оказывается связан с представлением «есть» значит «быть», «существовать». Кроме того, в состав этимологического толкования лексемы *food* входят компоненты *protect* «защищать» и *guard* «охранять». Значение данных лексем предполагает наличие объекта защиты и деятеля, то есть некоего субъекта, от которого нужно что-либо охранять или защищать. Данный факт наводит на мысль о еде как о защитном механизме, иными словами, пища есть то, что позволяет защитить «свое» от «чужого». Как видно из этимологических данных, уровень внутренней формы концепта «Еда» может свидетельствовать о том, что данный концепт представляет собой древнейший базовый концепт культуры, который одновременно принадлежит концептосфере цивилизации и национальной концептосфере.

Исследование концепта «Еда» в качестве культурного концепта осуществлено в диссертационном исследовании О. Г. Савельевой «Концепт «Еда» как фрагмент языковой картины мира: лексико-семантический и когнитивно-прагматический аспекты: на материале русского и английского языков» [5]. Концепт «Еда» рассматривается О. Г. Савельевой преимущественно в русле когнитивной лингвистики как часть языковой картины мира. Содержание и структура концепта «Еда» раскрывается О. Г. Савельевой на основе представлений о взаимосвязи языка и культуры, представлений о концепте как репрезентанте национально-культурной информации, формирующей языковую картину мира. По результатам исследования автор приходит к выводу о том, что концепт «Еда» может быть рассмотрен как лингвокультурная категория, имеющая в своем составе следующие компоненты: 1. Способ приготовления: вареное, жареное, печеное, моченое, соленое квашеное; 2. Процесс приготовления: засолка, варка, жарка, копчение; 3. Субъект: стряпуха, поваренок, булочник, кондитер и т.д.; 4. Объект: снедь – хлеб, выпечка, сыры, колбасы; кушанья – первые, вторые, десерты; напитки – алкогольные (спирт, водка, вино, самогон, первач, пиво), безалкогольные (квас, компот, кисель, чай, кофе, морс, молоко); 5. Результат: пьянство, гульба, обжорство. Данные категории обобщаются исследователем в модель концепта в русской языковой картине мира. Еда здесь делится на категории съестное и напитки. На основе бинарной оппозиции съестное подразделяется на естественное (натурфакты) и кушанья (артефакты), напитки делятся на алкогольные и безалкогольные. Данная модель концепта полностью справедлива для языкового плана его выражения. Все лексические единицы, репрезентирующие концепт, так или иначе можно объединить по способам приготовления, процессу, субъекту и объекту [5].

В исследовании Н. С. Марушкиной выявлены универсальные и отличительные признаки концепта «Еда» в русской, английской, американской и немецкой культурах, позволяющих осуществлять их межкультурное взаимодействие более эффективно. Структуру концепта «Еда» как репрезентанта национального характера в условиях диалога культур Н. С. Марушкина дополнила еще несколькими слоями, отражающими пласт его становления в той или иной национальной общности. Это прежде всего историко-культурный пласт формирования концепта «Еда», его религиозный аспект, а также анализ собственно национальной традиции питания и особенностей национальной кухни как экспликаторов национального своеобразия данного концепта на основе рассмотрения языкового плана его выражения. Таким образом, концепт «Еда» можно представить в виде полевой модели. В ядро данного концепта войдут синонимичные номинации еды – пища, продукты питания, корм. Периферией концепта будут выступать названия основных продуктов, блюд, напитков. В качестве ценностной компоненты будут выступать представления «вкусный – невкусный» [6].

В. И. Карасик отмечает трехкомпонентную структуру концепта, т.е. наличие в нем 1) понятийного (информационно фактуального); 2) образного (когнитивно метафорического); 3) ценностного (оценочно-го) компонентов. Центром концепта всегда является ценность, поэтому, согласно В. И. Карасику, эти ценности могут быть описаны в виде культурных концептов, опредмеченных в той или иной языковой форме [7, с. 221]. При этом И. В. Карасик выделяет три способа языковой объективизации концепта: 1) обозначение, 2) выражение и 3) описание. Под обозначением понимается присвоение фрагменту осмысляемой действительности наименования. Выражение концепта – это вся совокупность языковых и неязыковых средств, прямо или косвенно иллюстрирующих его содержание. Описание концепта включает исследовательские процедуры толкования значения его имени [7, с. 110–111]. Все эти способы в равной степени могут участвовать в формировании номинативного поля концепта. Приведем четырехкомпонентную процедуру концептуального анализа, разработанного В. И. Карасиком. Описание концепта включает следующие четыре компонента: 1) дефинирование; 2) этимологический анализ; 3) контекстуальный анализ; 4) паремиологический анализ [7, с. 221].

Приведем систему языковых средств, которые формируют номинативное поле концепта и тем самым выступают средствами его вербализации (классификация З. Д. Поповой и И. А. Стернина): 1) непосредственные номинации концепта; 2) производные номинации концепта; 3) лексические единицы, выступающие однокоренными словами к номинантам концепта; 4) симиляры; 5) контекстуальные синонимы; 6) окказиональные индивидуально-авторские номинации; 7) устойчивые словосочетания, синонимичные непосредственному номинанту концепта; 8) фразеосочетания, 9) паремии (пословицы, поговорки, афоризмы); 10) метафорические номинации; 11) устойчивые сравнения с ключевым словом; 12) свободные словосочетания, номинирующие те или иные признаки концепта [7, с. 69–71]. А.В. Рудаква также полагает, что в языке концепт может выражаться с помощью различных языковых средств: 1) готовыми лексемами и фразеосочетаниями из состава лексико-фразеологической системы языка; 2) свободными словосочетаниями; 3) структурными и позиционными схемами предложений; 4) текстами и совокупностями текстов [8, с. 48].

Таким образом, принятие пищи лежит в основе жизнедеятельности человека и является его базовой (витальной) потребностью. Отношение к питанию находит свое отражение в культурно-бытовом укладе жизни современного общества, в языке и коммуникативной деятельности. «Человек есть то, что он ест» – данная культурная аксиома, вербализованная фразеологически, требует сегодня своей языковой дешифровки и многоаспектного анализа в рамках исследования базового концепта «Еда». Нами были рассмотрены взгляды разных ученых на структуру концепта «Еда»; определены связи данного концепта с концептами «Душа», «Тело», «Жизнь», «Смерть»; выявлены языковые средства, которые формируют номинативное поле концепта «Еда» и тем самым выступают средствами его вербализации. В вербализованном виде данный концепт выступает как культурный конструкт человеческого сознания, который лингвистически классифицируется на базовые и периферийные составляющие. Отмечена тесная связь концепта «Еда» с репрезентацией художественного мира писателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М.: Академический Проект, 2001. – 989 с.
2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
3. Фрумкина, Р. М. Концепт, категория, прототип. Лингвистическая и экстралингвистическая семантика. Сборник обзоров / Р. М. Фрумкина. – М.: Инион Ран, 1992. – 94 с.
4. Курбанов, И. А., Кучкильдина, О. В. Этимологические и лексические аспекты концепта «Еда» в русском, английском и немецких языках / И. А. Курбанов, О. В. Кучкильдина // Вестник ЧГПУ. – 2012. – №11. – С. 273–288.
5. Савельева, О. Г. Концепт «Еда» как фрагмент языковой картины мира: лексико-семантический и когнитивно-прагматический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / О. Г. Савельева; Курбанский гос. ун-т. – Краснодар, 2006. – 26 с.
6. Марушкина, Н. С. Концепт «Еда» в контексте диалога культур: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Н. С. Марушкина; Ивановский гос. ун-т. – Иваново, 2014. – 25 с.
7. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
8. Климкова, Л. А. Концепт в языковой картине мира: монография / Л. А. Климкова. – МГПУ. Арзамас: АГПИ. – 2007. – 394 с.